

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на кн.: История литературы Урала. Конец XIV — XVIII в. /
гл. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. — М.: Языки славянской культуры,
2012. — 608 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0602-1

Вот и свершилось, наконец, то, чего так долго ждали уральские (и не только) филологи, культурологи, историки, источниковеды, археографы, краеведы, вообще все, кому интересны история литературы и книжности Урала и сопредельных территорий: вышел в свет первый том академической «Истории литературы Урала». Я не случайно очертил объект и территориальный охват исследования шире, чем сделали это сами его авторы. Чем это вызвано, объясню позже, а пока остановлюсь на значении проведенного исследования.

Прежде всего, необходимо отметить, что речь идет именно о первом томе многотомного издания. Это не оговорено ни на титульном листе, ни в библиографическом описании книги, и это можно объяснять по-разному. С одной стороны, давняя, еще советских времен традиция — именно так, отдельными томами с самостоятельными названиями, без заявки на многотомник, в конце 1980-х гг. выходила академическая «История Урала» (кстати, тома с третьего по пятый, посвященные советскому периоду, так и не были изданы). С другой, возможно, условия финансирования издания не позволяют официально заявлять о намерениях, реальность осуществления которых, особенно в условиях туманных перспектив академической науки на ближайшие годы, весьма проблематична. Но это, как говорится, вопрос не принципиальный.

Гораздо важнее другое: в рамках масштабного проекта, реализуемого под эгидой Уральского отделения РАН в лице Института истории и археологии и поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда, удалось собрать квалифицированный и работоспособный

авторский коллектив филологов и историков Урала, Сибири и других регионов России. К сожалению, трое авторов не могли разделить общую радость от выхода книги: ушли из жизни В. В. Блажес (один из двух главных редакторов тома), член-корреспондент РАН Е. К. Ромодановская и В. А. Павлов. Подготовленные ими тексты дошли до нас, как доходит до Земли свет далекой звезды...

Впечатляет как общий объем издания (76 п. л.), так и хронологический и территориальный охват исследуемых литературных явлений. Прежде чем приступить к оценке концепции книги (объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования и т. д.), необходимо представить ее структуру, отталкиваясь от обоснования этой структуры, данного от лица авторского коллектива во введении (с. 35–36). В качестве пояснения отмечу, что определению «раздел», применяемому во введении, в оглавлении тома соответствует понятие «часть».

Итак, «первый том открывает раздел, в котором показано отражение в коми фольклоре и русской словесности традиции подвижнического труда Стефана Пермского и аналитически представлены памятники письменности и литературы Перми Вычегодской». В соответствии с этим походом часть I книги (с. 37–72) озаглавлена: «Православные традиции в культурно-историческом освоении пермских земель». В первой главе анализируется «Житие Стефана Пермского», при этом выявляется «историко-культурный контекст обращения к образу Пермской земли». Вторая глава посвящена памятникам письменности и литературы Перми Вычегодской.

Часть II (с. 73–117) не только нарушает заданную, казалось бы, частью I последовательность изложения событий и явлений, но и далеко выходит за очерченные авторами хронологические рамки исследования. Во введении это объясняется следующим образом: «Второй раздел “Средневековая башкирская литература” содержит анализ тюркской литературной традиции X–XVI вв., в русле которой произошло становление собственно башкирской литературы, развивавшейся как национальный блок, обособленный от словесности других народов Урала вплоть до начала XIX в.»

Содержание части III (с. 118–209) представлено во введении развернуто: «...третий раздел “Русская книжно-рукописная традиция на Урале в XVI–XVII вв.” содержит обзор фольклора, возникшего в про-

цессе культурного освоения края, а также произведений древнерусской литературы, привнесенных переселенцами; отдельной главой представлены книжные собрания церковно-монастырских библиотек, поскольку монастыри и церкви в это время владели книгами, составлявшими основу русской средневековой образованности, — через богослужение, через внебогослужебное чтение книг вслух книжное знание доходило до всех социальных групп населения Урала. Рассматривается книжное собрание крупнейшего культурного гнезда Урала XVI–XVII вв. — вотчины Строгановых, где родился оригинальный памятник уральской литературы XVII в., сборник “Статир”, а также крестьянские библиотеки региона. Основы русской региональной литературы закладывались также древнерусской житийной традицией, включающей в себя произведения, посвященные Трифону Вятскому, Симеону Верхотурскому, старцу Далмату, и сказания о чудотворных иконах».

Часть IV (с. 210–229) уже не в первый раз представляет явления литературного процесса, протекавшего за пределами Урала: «Четвертый раздел, о Тобольском митрополичьем доме включает материал об историко-литературных начинаниях первого архиепископа Киприана Старорусенкова, дьяка Саввы Есипова; отдельно рассмотрена литературно-политическая деятельность Тобольских митрополитов и епископов Нектария, Симеона, Игнатия (Римского-Корсакова), Иоанна (Максимовича)».

Анализ исторических сочинений, созданных и бытовавших на Урале в различных слоях населения на протяжении нескольких веков, представлен в части V (с. 230–288) и подробно обоснован во введении: «Летописание получило широкое распространение в различных социальных группах, это показано в пятом разделе “Исторические повествования на Урале”. В нем дается исторический анализ сочинений, возникших в непосредственной близости от Урала или в его пределах, включая народную историографию похода Ермака в Сибирь и исторические сочинения старообрядцев. Присоединение урало-сибирских территорий к России уже в первой волне переселенцев — казаков дружины Ермака — оценивалось как эпическое событие, важное для укрепления и развития русского государства. Ермак становился народным героем эпического размаха в казачьей устно-поэтической культуре (исторические песни). С конца XVI в. и далее рассказ о подвигах казачьей дружины Ермака многократно обретал форму исторических литературных повествований, создаваемых на

новообретенных землях востока России. Иное измерение исторических событий закрепились в сочинениях старообрядцев, культура которых в немалой степени определила историческое своеобразие Урала. В стремлении утвердить правоту противостояния официальной церковной доктрине староверие прописывает преемственность с идеальным дониконовским временем в жанре старообрядческих родословий. Идея преемственности гарантировала передачу благодати поколениям староверов, лишившихся церковного священнического центра. Поэтому исторические сочинения староверов — самое яркое и литературно значимое явление в системе старообрядческой словесности».

Содержание части VI, озаглавленной «Типы словесности горнозаводского Урала XVIII в.» (с. 289–335), раскрывается во введении следующим образом: «Шестой раздел объединяет произведения, представляющие разные типы словесности, возникшие именно на Урале: это рукописный сборник былин и песен Кириши Данилова, просветительская и научно-деловая литература в библиотеке Акинфия Демидова, деловые и научно-популярные сочинения основоположников горного дела в крае В. Н. Татищева и В. де Геннина».

Отмечая во введении, что процессы, исследуемые в частях VII («Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения», с. 336–402) и VIII («Литературный процесс на Урале конца XVIII — начала XIX вв.», с. 403–509), протекают в период, который «в культурно-идеологическом плане совпадает с эпохой российского Просвещения XVIII в.», когда происходит «рождение индивидуально-авторского творчества на Урале», авторы продолжают: «Поэтому в седьмом разделе представлен разнообразный литературный материал — от записок путешественников об Урале, уральской мемуарной литературы до анализа литературной жизни Оренбуржья и формирования удмуртской литературной традиции. Здесь же получили отражение уральские страницы в жизни крупнейшего русского поэта Г. Р. Державина. Постепенно складывающийся литературный процесс и новая поэтика художественной модальности литературы представлены в заключительном, восьмом разделе, где характеризуются тобольские журналы как органы культурного самосознания края и созревшие к тому времени авторские индивидуальности, включая П. П. Сумарокова, И. И. Бахтина, Н. С. Смирнова, П. А. Слоцова, А. И. Попова, И. И. Варакина».

Представить столь подробно содержание каждой главы книги, причем формулировками, взятые из введения к ней, было необходимо, чтобы попытаться разобраться, в какой мере авторам удалось справиться с поставленной задачей (а она в наиболее концентрированном виде декларирована в самом названии книги). А для этого желательно получить ответы на три принципиально важных вопроса:

1. Что такое «Урал» в представлении авторов книги?
2. В какой мере оправданны и насколько последовательно выдержаны хронологические рамки исследования?
3. Действительно ли объектом исследования является именно литература (в данном случае — «литература Урала»), или авторам следовало сформулировать его более широко?

«Следование динамической “кривой” истории в анализе литературной географии региона и его литературного процесса», — так редколлегия тома формулирует свою принципиальную установку при определении территориальных границ исследования. Наличие «динамической “кривой”» означает, что авторским коллективом не установлен какой-то единый критерий отнесения той или иной территории к Уралу — они, эти территории, зачисляются в состав региона ситуативно, сообразно представлениям авторов книги о «культурно-художественном, метагеографическом образе Урала». В «свой Урал» авторы книги включают «Прикамье (Приуралье) — т. н. Строгановский регион, сохранявший свое значение вплоть до конца XIX в., с его культурными центрами Усолье, Соликамск, Орел-городок, позднее Пермь; Средний Урал — горнозаводской (Демидовский) регион с центром г. Нижний Тагил, позднее Екатеринбург; Южный Урал — Оренбуржье (военно-административное освоение которого начинается с 1730-х гг.); Зауралье и Западную Сибирь — условно Тобольско-Тюменский край. Отсюда, — отмечает далее редколлегия тома, — культурно-историческая идентификация Урала не вполне совпадает с существующей ныне его административной локализацией» (с. 22).

Конструкция, выстроенная авторами с помощью «динамической “кривой”», чем-то неуловимо напоминает мне систему Птолемея, на протяжении многих веков объяснявшую устройство Вселенной и даже имевшую практическое применение. Не следовало ли авторам попытаться сразу перейти к более простой и эффективной на практике системе Коперника? Для этого надо было выделить то главное, что позволило

Уралу утвердиться в качестве самостоятельного региона со своей неповторимой спецификой. А это главное, разумеется, — горнозводской облик Урала. При таком подходе части I, II и IV книги, вызванные к жизни действием «динамической “кривой”», в ней бы просто отсутствовали, но целостность ее восприятия бы только выиграла. Кстати, в первом томе «Очерков русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982) есть глава «Литературная жизнь Сибири 30–40 годов XVII в.», соответствующая по содержанию части IV «Истории литературы Урала», более того, написанная основным автором текстов этой части Е. К. Ромодановской в соавторстве с Е. И. Дергачевой-Скоп. Здесь «динамическая “кривая”» явно заводит авторов уральской книги на «чужую территорию». А что если сибиряки вслед за уральцами надумают написать академическую «Историю литературы Сибири»? Будут писать свой соответствующий раздел о деятельности тобольского литературно-книжного центра или дипломатично откажутся от этой части Сибири в пользу Урала?

От того, как определяется авторами ключевое понятие «Урал», напрямую зависит хронологический диапазон исследования, в частности нижняя временная граница. Применение упоминавшейся выше «динамической “кривой”» позволило авторам книги начать отсчет литературы Урала с конца XIV в., хотя, строго говоря, никаких явлений литературы Урала, относящихся к тому времени, назвать нельзя: «Житие Стефана Пермского» написано Епифанием Премудрым в XV в. вдали от Урала, да и собственно миссионерская деятельность самого Стефана развивалась в Перми Вычегодской, на территории современной Республики Коми, т. е. на Русском Севере, а не на Урале.

Раздел о средневековой башкирской литературе вообще выбивается из общей хронологии, принятой в томе, поскольку начинается с рассмотрения памятников тюркской традиции IX–XV вв. При этом от знакомства с текстом этого раздела остается впечатление, что без натяжки относимое к произведениям литературы создавалось за пределами современной Башкирии, а собственно башкирский эпос — это национальный фольклор, записанный в основном в XIX в. Это не единственный случай, когда следование «динамической “кривой”» приводит авторов книги к явным натяжкам.

Нарушение принятой в книге хронологии касается не только нижней, но и верхней границы исследования. В частности, литературная дея-

тельность П. А. Словцова (1767–1843) приходится в основном на первую половину XIX в. и традиционно связывается с изучением и описанием Сибири. А текст главы 4 части V «Исторические сочинения старообрядцев Урала» (с. 263–288) в значительной мере построен на материалах не только XIX в. (оформление родословий нескольких старообрядческих согласий), но и первой половины XX в. («История старья веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц»). Анализ текстов этих поздних памятников старообрядческой литературы Урала вырывается, таким образом, из общеисторического и литературного контекста своей эпохи. Хочется спросить авторов книги: а в предполагаемых томах, посвященных истории литературы Урала XIX–XX вв., будут разделы, посвященные литературе уральских старообрядцев? И если да, что чем вызвана необходимость рассматривать относящиеся к ней памятники в томе, хронологически ограниченном самими авторами XVIII в.?

Объектом исследования в книге является литература Урала. Что вкладывают авторы в это понятие: совокупность литературных памятников, созданных на территории края, или вообще литературу, бытовавшую в крае? В предисловии редколлегии обтекаемо заявлено, что сфера исследования «определяется творчеством писателей, судьба которых в той или иной мере связана с Уралом», но затем следует расшифровка: «Это, во-первых, писатели-уроженцы региона (мера привлечения их творчества в общий контекст исследования определяется степенью их включенности в проблематику региона и смысловой насыщенностью их текстов, а потому индивидуальна в каждом конкретном случае); во-вторых, писатели, жизнь и творчество которых по тем или иным обстоятельствам оказались связаны с Уралом на некоторое время; в-третьих, писатели, побывавшие на Урале проездом или не побывавшие вовсе, но оставившие “след” своего пребывания в литературе (ибо литературная карта Урала не тождественна его географической и даже исторической карте): таков огромный массив записок путешественников, дневников, путевых заметок, травелогов как таковых и т. д. — в них как нельзя более ярко предстает образ Урала глазами не только “своих”, но и “чужих”, “других” etc. В ином разрезе литература Урала включает в себя литературу, созданную на Урале, и написанную об Урале (выделено редколлегией книги. — А. М.)». Таким образом, объект исследования определяется авторами максимально широко: это «литература Урала во всех ее мно-

гообразных проявлениях — жанровых, этнических, документальных, в формах словесности и собственно литературы, наделенной качествами художественности и в ходе исторического развития становящейся родом профессиональных занятий людей» (с. 24).

Более того, наличие в структуре книги таких глав и параграфов, как «Образ Стефана Пермского в коми фольклорной традиции», «Церковно-монастырские библиотеки Урала», «Строгановские библиотеки XVI–XVII вв.: состав и пути формирования», «Крестьянские библиотеки Прикамья», «Библиотека Акинфия Демидова», «Сборник былин и песен Кириши Данилова из Нижнего Тагила», а также множество аналогичных сюжетов, не выделенных структурно, приводит к мысли, что и максимально широкое толкование понятия «литература Урала» не покрывает в полной мере объект исследования — он на самом деле еще шире и включает в себя как фольклор, традиционно не рассматриваемый как часть литературы, так и в целом книжность края.

Все сказанное выше позволяет заключить, что рецензируемую книгу справедливее было бы озаглавить примерно так: «История фольклора, литературы и книжности Урала и сопредельных территорий. IX–XVIII вв.». Во всяком случае, при всей громоздкости подобное заглавие намного адекватнее отражало бы содержание тома.

А теперь от критических (безусловно, субъективных, а потому не претендующих на истину в последней инстанции) замечаний перейду к позитивной оценке содержания книги.

В разделе, посвященном миссионерской деятельности Стефана Пермского и отражению ее в литературе и фольклоре, очень хорошо показано, какую роль христианизация края, именуемого обычно то Восточным Поморьем, то Северным Приуральем, и тесно связанное с нею распространение письменности сыграли в процессе вхождения этого края в состав Российского государства. Рассмотрение средневековых памятников тюркской традиции служит прологом к изучению национальных литератур и фольклора тюркоязычных народов Урала, что позволяет составить более полную и объективную картину культурного развития населения Урала и сопредельных регионов, чем если бы она складывалась лишь на основе изучения русскоязычных фольклорных, литературных и книжных традиций.

Разделы III–V представляют впечатляющую панораму постепенного освоения русской культурой пространств от Приуралья до Западной Сибири на протяжении полутора столетий — с середины XVI в. до начала XVIII в. (а в старообрядческом варианте, как мы видели выше, — и с «забеганием» в XIX–XX вв.). Высокий исследовательский уровень этих разделов, насыщенность их конкретным материалом, глубина анализа отдельных памятников и книжно-рукописной традиции на землях Строгановых и при Тобольском архиерейском доме, в урало-сибирских монастырях и в различных старообрядческих согласиях во многом опираются на результаты работы археографических центров Урала и Сибири, в ходе которой сложились не только многотысячные собрания древнерусских и старообрядческих рукописей, но и научные школы, многочисленные представители которых входят в состав авторского коллектива книги.

Если главы и параграфы, посвященные памятникам урало-сибирского летописания, строгановским, церковно-монастырским и крестьянским библиотекам книжно-рукописной традиции уральских старообрядцев, написаны в основном на материалах, введенных ранее в научный оборот и имеющих основательную историографическую традицию, то в главе 4 части III, рассматривающей агиографические памятники (жития св. преподобного Трифона, вятского чудотворца, св. праведного Симеона Верхотурского, св. Космы Верхотурского, агиографические тексты о старце Далмате Исетском и игумении Таисии (Костроминой), повести о явленных иконах), пожалуй, впервые столь основательно исследуется этот интереснейший пласт литературы Урала. Можно с уверенностью утверждать, что ни одно обобщающее исследование или учебное пособие по истории культуры Урала, претендующее на полноту и объективность в изложении материала, будет невозможно без обращения к этому явлению региональной литературной традиции.

Не бесспорно удачной, хотя и интересной в принципе, представляется попытка авторов книги расширить спектр жанров литературы Урала за счет научно-деловой и распорядительной документации, выходящей из-под пера первых уральских горных начальников — В. И. де Геннина и В. Н. Татищева. Нет сомнения в том, что «Описание уральских и сибирских заводов» де Геннина или «Наказ шихтмейстеру» Татищева — явления российской словесности, но вопрос, насколько правомер-

но рассматривать их и другие подобные документы как явления литературы Урала, думается, остается открытым, тем более, что для более позднего времени авторы книги такого рода «литературу» (например, «Книгу мемориальную, о заводском производстве сочиненную» Г. Махотина, деловую переписку Демидовых со своими заводскими служащими и др.) к исследованию не привлекают. Особняком относительно объекта исследования (литература Урала) стоит включенная в этот же раздел глава «Библиотека Акинфия Демидова», — это направление также не получает дальнейшего развития, хотя библиотека, скажем, Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1787) представляет несравненно больший интерес как по своему составу, так и по степени освоенности собрания его владельцем.

Включение авторами протопопа Аввакума в число путешественников XVII в., отразивших в своих записках пребывание на Урале, вызывает скорее удивление, чем возражение. Сами авторы пишут: «Проехав через Соль Вычегодскую, Соль Камскую, Верхотурье, Туринский острог, Аввакум словно не заметил Урала...». Но здесь-то как раз удивляться нечему: никакого Урала как особого края в сознании современников Аввакума не было вообще — пересекая Уральский хребет, они просто попадали с Руси в Сибирь. Сибирь как таковая его интересовала, но это уже совсем другая история. Впрочем, если все же упоминать Аввакума в контексте изучения региональной литературы, то следовало бы все же, во-первых, особо подчеркнуть, что он был на Урале, в отличие от Спафария и Избранта Идеса, путешественником не по доброй воле, а во-вторых, что сибирские страницы «Жития протопопа Аввакума» положили начало традиции фиксировать путевые наблюдения «путешественниками поневоле», каковых история XVIII–XX вв. знает великое множество. Кстати, глава «Образ Урала в записках западноевропейских и русских путешественников», посвященная текстам XI–XVII вв., почему-то открывает раздел «Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения», а одна из ее частей озаглавлена «Урал в текстах эпохи Просвещения (В. Н. Татищев, Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев, А. Н. Радищев)», — получается, что эпоха Просвещения на Урале началась раньше, чем в Европе.

Заключительные разделы книги, посвященные литературе Урала эпохи Просвещения и литературному процессу на Урале конца XVIII —

начала XIX в., содержат главы о мемуаристике и стихотворчестве уральцев и сибиряков, о начальном этапе урало-сибирской журналистики и таких литераторах, как П. А. Словцов, А. И. Попов и И. И. Варакин.

Можно указать на отдельные неточности, встречающиеся в тексте книги. Так, на с. 71 Яренский уезд назван Яранским; Нижнетагильский завод упорно называется Нижним Тагилом и даже «г. Нижний Тагил» (с. 22), тогда как статус города Нижнетагильский завод получил только в 1917 г. Такого рода досадные недочеты можно найти в любом почтенном издании. Но гораздо важнее то, что книга снабжена основательной библиографией (с. 515–550), а также указателями имен, названий литературных произведений и географических названий, упоминаемых в тексте, что значительно облегчает пользование книгой и свидетельствует об уважительном отношении к читателю — что, к сожалению, даже в солидных научных трудах в последнее время наблюдается все реже.

В заключение хочется поблагодарить авторский коллектив книги за многолетний труд и выразить надежду, что за первым томом последуют и другие и что Урал в изучении своей литературы, как и во многих других отношениях, покажет другим регионам России пример, заслуживающий подражания.

А. Г. Мосин